

КРИС ХАММЕР

КРИС ХАММЕР

**ВЫСТРЕЛЫ
НА ПУСТОШИ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
X18

Серия «Детектив — самое лучшее»

Chris Hammer

SCRUBLANDS

Перевод с английского А. Макеевой

Компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения литературных агентств
Curtis Brown UK и The Van Lear Agency.

Хаммер, Крис.

X18 Выстрелы на пустоши : [роман] / Крис Хаммер ;
[пер. с англ. А. Макеевой]. — Москва : Издательство
АСТ, 2019. — 416 с. — (Детектив — самое лучшее).

ISBN 978-5-17-117571-9

В маленьком городке, затерянном среди бескрайних пустошей Австралии, произошла трагедия: священник местной церкви убил пятерых человек, а потом и сам погиб от пули полицейского.

Что же стало причиной кровавой бойни? В этом решил разобраться известный столичный журналист Мартин Скарсен. Однако едва он приступил к расследованию, как городок потрясло новое преступление – возле заруды обнаружили тела двух неизвестных молодых женщин...

Связаны ли между собой это двойное убийство и история священника-«стрелка»? Расследование Мартина приняло новый оборот. Но очень скоро ему становится ясно: кто-то очень не хочет, чтобы правда была раскрыта. Не хочет настолько, что не остановится ни перед чем...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Chris Hammer, 2018

Школа перевода В. Баканова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers,
2019

ISBN 978-5-17-117571-9

Пролог

С утра ни ветерка. За ночь жара чуть спала, но теперь наваливается вновь. Небо безоблачно и безжалостно, солнце палит нещадно. У пересохшей речки по ту сторону дороги стеной стоит стрекот цикад, однако здесь, у церкви Святого Иакова, тишина.

Скоро одиннадцать, прихожане съезжаются к утренней службе. В тени деревьев припаркованы уже три-четыре машины, их владельцы перешли дорогу и столпились на солнечном церковном дворе, обсуждая цены на скот, нехватку воды на фермах и немилосердную жару. Молодой священник Байрон Свифт еще не переоделся для службы и мило болтает со своей пожилой паствой. Все как обычно, ничто не вызывает тревоги.

Подошел Крейг Ландерс, владелец и управляющий универсальным магазином в Риверсенде. Он ехал с приятелями на охоту и остановился перед церковью поговорить со священником. Друзья потянулись следом. Их компанию нечасто увидишь на проповеди. Джерри Торлини жил в Беллингтоне и ни с кем из прихожан не был знаком, поэтому вернулся в свой внедорожник, местные фермеры Том и Альф Ньюкирк, как и Хорри Гровнер, остались пообщаться. Аллен, сын Альфа, ушел к Джерри, со стариками ему неинтересно. Охотничья одежда — странная смесь камуфляжа и светоотражающей ткани — выглядела здесь неуместно, однако никто не делал замечаний.

Священник приблизился к Ландерсу. Они обменялись рукопожатиями и улыбками, перебросились парой слов.

Затем Свифт, извинившись, исчез в церкви, чтобы подготовиться к службе.

Ландерсу не терпелось продолжить путь, но Хорри и оба Ньюкирка были поглощены беседой с фермерами, и он направился к углу здания, чтобы подождать в тени.

Внезапно разговоры стихли. Ландерс обернулся и увидел на крыльце Байрона Свифта, уже переодетого в рясу, с распятием на груди, сверкающим в солнечных лучах. В руках у священника появилось оружие — мощная охотничья винтовка с оптическим прицелом. Ландерс не сразу понял, зачем. Он все еще был в замешательстве, когда Свифт вскинул винтовку и невозмутимо выстрелил в Хорри не более чем с пяти метров. Голова Гровнера раскололась в облаке алых брызг, ноги подломились, и он кулем осел на землю.

Оторопелые взгляды прихожан, тишина. Священник выстрелил снова, и упал еще один — Том Ньюкирк. Криков пока не было слышно, но паника уже овладела толпой, и люди бросились в бегство. Прогрохотал новый выстрел, и Ландерс торопливо нырнул за угол церкви. И не остановился, а побежал дальше. Он знал, кого священник хотел убить больше всего.

Глава 1

РИВЕРСЕНД

Мартин Скарсенд останавливает машину на мосту при въезде в город. Мост в одну полосу, ни обгонов, ни разъездов, построен десятки лет назад из эвкалиптов, которыми поросли берега реки. Длинный и извилистый, он перекинут через всю пойму; пролеты гнутые, доски усохли и гремят, болты шатаются.

Шагнув в свирепый, будто из топки, полуденный зной, Мартин опирается на перила, но солнце раскалило даже древесину. Убрав ладони, он замечает на них налипшую белую краску и оттирает ее влажным полотенцем, которым обернул шею от жары.

Там, где прежде текла река, осталось лишь голое русло, выложенное мозаикой запекшейся глины. Кто-то бросил на берегу старый холодильник, написав на дверце: «Бесплатное пиво», однако несчастным эвкалиптам у реки явно не до шуток — их ветви высохли, лишь редкими клочьями висят серые пожухлые листья.

Сдвинув на лоб солнечные очки, Мартин тут же их опускает, ослепленный ярким светом. Просунув руку в окно машины, глушит мотор. Тишина. От жары все живое попряталось: ни цикад, ни какаду, ворон и тех нет, лишь доски моста жалобно поскрипывают, расширяясь и сжимаясь по прихоти солнца. Ни ветерка, адская погодка высасывает из тела влагу, горячо даже через городские туфли с тонкой кожаной подошвой.

В арендованной машине надрывается кондиционер. Съехав с моста, Мартин спускается по главной улице в душную чашу Риверсенда, окаймленную высоким берегом

водохранилища. У обочин под одинаковым косым углом припаркованы пикапы, фермерские грузовики и городские седаны — все пыльные и старые.

Едет Мартин медленно, высматривая хоть какой-то намек на жизнь, но с таким же успехом можно двигаться по диораме. Лишь в квартале от реки, где на перекрестке высятся колонна-постамент с бронзовым солдатом, на глаза попадается мужчина. Он плетется по тротуару под тенью магазинных навесов — как ни странно, в длинном сером пальто. Плечи сгорблены, рука сжимает коричневый бумажный пакет.

Мартин съезжает на обочину и паркуется под требуемым углом, хоть и не очень аккуратно, чиркнув о бордюр. Морщась, выдергивает ручник, глушит мотор и выходит. Бордюр высотой почти по колено, с расчетом на паводки в сезон дождей, теперь оседлан задним бампером машины. Подумав, не подать ли немного вперед, чтобы сойти с бетонной мели, Мартин решает оставить все как есть: хуже не будет.

Он переходит улицу под тень навеса, однако незнакомца в пальто уже и след простыл. Вокруг ни души. На стеклянной двери ближайшего магазина изнутри висит табличка с надписью от руки: «У Матильды. Комиссионка и антиквариат. Одежда секонд-хенд, безделушки и сувениры. Работаем по утрам во вторник и четверг». Сейчас, в понедельник, понятно, закрыто. В витрине — черное с бисером вечернее платье на старом портновском манекене; выше на деревянных плечиках — потрепанный твидовый пиджак с кожаными заплатами на рукавах; яркая, вырви глаз, оранжевая спецовка висит на спинке стула. Бак из нержавеющей стали полон разномастных пыльных зонтиков. На стене реклама: женщина в цельном купальнике нежится на пляжном полотенце, а волны лижут песок за ее спиной. «В Мэнли к морю и прибою», — зовет плакат; висит он давно, и солнце Риверайны* размыло краски купальника

* Р и в е р а й н а — аграрный регион на юго-западе Австралии. (Здесь и далее — примеч. пер.).

и золото песка бледной акварельной голубизной. Понизу витрины выставлена рядком обувь: туфли для боулинга и гольфа, поношенные сапоги для верховой езды и пара грубых коричневых башмаков, отполированных до блеска. Повсюду, словно конфетти, рассыпаны трупики мух. Не иначе и обувь тоже от покойников.

В соседней витрине черно-желтый знак: «Сдается». На стекле еще просматриваются следы соскобленной надписи: «Модные стрижки». Внутри пусто. Мартин достает телефон и делает несколько фото для будущей статьи.

Дальше — обшитый сайдингом фасад с двумя заколоченными окошками. На двери — порывевшая цепь с навесным замком, которая висит тут, похоже, целую вечность. Дверь с цепью надо снять крупным планом.

Пересекая улицу обратно, он снова ощущает сквозь подошвы жар. Солнце растопило асфальт, Мартин вынужден обходить битумные лужицы. Вернувшись на тротуар под спасительную тень навеса, он с удивлением обнаруживает перед собой витрину книжного, совсем рядом со своей машиной. С тента свисает длинная покоробленная доска с вырезанной надписью «Оазис. Книжный магазин и кафе».

Книжный, надо же! Как раз не взял из дома ничего почитать, даже в голову не пришло. Редактор Макс Фуллер, осененный очередной блестящей идеей, позвонил ни свет ни заря и направил сюда за материалом. Потом лихорадочные сборы, спешка в аэропорт, где едва нашлось время скачать посланные вдогонку статьи, и посадка на самолет, по трапу которого он поднялся самым последним. А меж тем книга не помешала бы. Раз уж придется несколько дней терпеть этот город-труп, какой-нибудь роман мог бы немало развлечь.

Мартин толкает дверь, готовый к тому, что она заперта, однако «Оазис» открыт. По крайней мере, дверь.

Внутри темно, пусто и градусов на десять прохладнее. Мартин снимает темные очки и оглядывается, привыкая к сумраку после раскаленной добела улицы. Зеркальные витрины скрыты шторами, перед каждой еще и японская

ширма — дополнительный заслон против солнечной атаки. Вентилятор на потолке лениво поворачивается, больше никакого движения, если не считать струек воды в декоративном фонтанчике на прилавке. Прилавок рядом с дверью вытянут вдоль витрины и обращен к залу с парой диванчиков, мягкими креслами на истертом ковре и столиками с книгами тут и там.

В глубине зала тянутся три-четыре ряда низеньких стеллажей с проходами между ними. На стенах укреплены полки повыше. В конце прохода видна деревянная дверь-воротца вроде тех, что отделяют зал от кухни в ресторанах. Ни дать ни взять — церковь, если представить, что стеллажи и полки — церковные скамьи, а прилавок — алтарь.

Мартин проходит между столиками к дальней стене. На маленькой табличке написано, что здесь выставлена литература. Губы начинают растягиваться в ироничной усмешке, которая тут же угасает при виде аккуратного ряда корешков на верхней полке. Сплошь названия, знакомые по временам учебы в университете двадцать лет назад, более того — те же книги в мягких обложках представлены в соответствии с учебной программой. «Моби Дик», «Последний из могикан» и «Алая буква», а справа «Великий Гэтсби», «Поправка 22» и «Герцог». «Богатства Ричарда Махони», «Во имя любви», «Кунард»*, следом за ними — «В свободном падении», «Процесс» и «Тихий американец». Горстка пьес: «Сторож», «Носорог» и «Жизненные перипетии Салли Бэннер»**.

Мартин вытягивает «Комнату с видом». Выпущено издательством «Пингвин», корешок романа проклеен для крепости пожелтевшим от времени скотчем. Забавно: может, под обложкой фамилия какого-нибудь позабытого

* «The Fortunes of Richard Mahony», «For Love Alone», «Coopardoo» — книги австралийских писателей-классиков, перевода на русский нет.

** «The Chapel Perilous» — австралийская пьеса, перевода на русский нет.

однокашника? Но нет, томик принадлежал когда-то некой Кэтрин Блонд. Не иначе, книги покойницы.

Мартин бережно возвращает роман на место и делает телефоном фотографию.

На следующей полке издания поновее, некоторых, похоже, почти не касались. Джеймс Джойс, Салман Рушди, Тим Уинтон. Стоят без всякого порядка.

Мартин вытягивает томики один за другим, но не находит под обложками имен бывших владельцев. Сделав выбор, он собирается устроиться в уютном кресле и вздрагивает — в центральном проходе стоит молодая женщина.

— Нашли что-нибудь интересное? — спрашивает она хрипловато, прислонясь к стеллажу в небрежной позе.

— Не знаю пока, — отвечает Мартин с деланным равнодушием.

Сперва его ошеломляет появление женщины, затем — ее красота. Светлые, с артистичной небрежностью уложенные волосы, стриженные под боб, челка до темных бровей. Фарфоровая кожа, искрящиеся зеленые глаза, босые ноги видны из-под легкого платья. Нет, в задуманном им рассказе о Риверсенде таким небесным созданиям не место.

— Кто такая Кэтрин Блонд? — интересуется он.

— Моя мать.

— Передайте, что мне понравились ее книги.

— Не могу. Мама умерла.

— Вот как. Тогда простите.

— Не за что. Вы бы ей понравились, раз любите книги.

Это был ее магазин.

Мгновение они просто рассматривают друг друга. Во взгляде женщины есть что-то бесцеремонное, и Мартин первым отводит глаза.

— Присаживайтесь, — приглашает она. — Отдохните немного. Вы проделали долгий путь.

— Как вы догадались?

— Это Риверсенд, — с грустной улыбкой отвечает женщина, на щеках мелькают ямочки.

С такой внешностью — прямая дорога в модели, думает Мартин. А то и в кинозвезды.

— Присаживайтесь, не стесняйтесь, — повторяет она. — Кофе пить будете? Мы одновременно и кафе и книжный магазин. Так вот и зарабатываем.

— Ясно. Лонг блэк*, если можно. И какой-нибудь водички, пожалуйста.

Мартин тянет закурить, хотя он завязал с этой привычкой сразу после университета. Всего одну сигаретку. Почему бы нет?

— Хорошо. Сейчас вернусь.

Она бесшумно уплывает по проходу. Мартин смотрит вслед, любясь поверх стеллажей красивым изгибом шеи. Как прирос к полу, увидев ее, так и стоит. Толкнув дверь-воротца, женщина пропадает из виду, но виолончельный тембр ее голоса, плавная уверенность движений и взгляд зеленых глаз будто еще витают в воздухе.

Покачавшись туда-сюда, воротца замирают. Мартин переводит взгляд на книги в своих руках. Вздохнув, садится в кресло и глядит уже не на книги, а на свои руки сорокалетнего. У отца были руки ремесленника — сильные, ловкие, умелые. В детстве Мартин мечтал, что и у него когда-нибудь будут такие же, но они до сих пор как у подростка. Руки белого воротничка, не пролетария, какие-то неправильные. Он опускается в кресло с порванной обивкой, скрипучее и перекошенное, и начинает рассеянно перелистывать страницы.

На этот раз появление женщины не приводит его в замешательство. Он поднимает взгляд обрадованно, уже подустав ждать.

— Вот. — Она чуть хмурится, ставя на столик большую белую чашку.

От женщины веет каким-то ароматом с кофейными нотками.

«Дурак!» — одергивает себя Мартин.

* Лонг блэк — австралийский способ готовить кофе.

— Себе я тоже сварила, — улыбается она. — Посетителей у нас немного. Надеюсь, вы не против...

— Нет, конечно, — слышит он собственный голос.

Хочется завести непринужденный разговор, рассмешить ее, очаровать. Наверное, даже получилось бы — он не совсем еще растерял внешнюю привлекательность. Однако, снова взглянув на свои руки, Мартин не решается.

— Что вы здесь делаете? — спрашивает он и сам удивляется резкости вопроса.

— В смысле?

— Что вы делаете в Риверсенде?

— Я здесь живу.

— Знаю, но почему?

Улыбка на ее лице меркнет. Взгляд становится серьезнее.

— Думаете, не стоит?

— Вот это. — Мартин обводит руками магазин. — Книжки, культура, литература. Университетские книжки вон там, на полке, ваши и матери... Этот городок умирает, вам нечего тут делать.

Она не улыбается, не хмурится, только смотрит задумчиво, не торопясь отвечать.

— Вы ведь Мартин Скарсден? — спрашивает, глядя в глаза.

Он не отводит взгляда.

— Да, это я.

— Я помню репортажи. Рада, что вы уцелели. Должно быть, трудно пришлось.

— Да.

Текут минуты, Мартин прихлебывает кофе. Ничего так, в Сиднее доводилось пить хуже. Опять накатывает тяга закурить. Неловкость от молчания прошла, и снова текут минуты. Как хорошо здесь, в «Оазисе», делить тишину с молодой красавицей.

Она заговаривает первой:

— Я вернулась сюда полтора года назад, когда мама лежала при смерти, и надо было за ней присматривать.

А теперь... если я уеду, книжный, ее книжный, закроется. Ждать и так недолго, но пока держусь.

— Простите за бесцеремонность, я не хотел.

Она обнимает чашку ладонями: жест уюта и доверия, странно уместный, несмотря на дневной зной.

— Ну а вы, Мартин Скарсен, вы-то что делаете в Риверсенде?

— Приехал за материалом, редактор послал. Решил, мне пойдет на пользу прошвырнуться и подышать деревенским воздухом. Чтобы сдуло паутину, как он выразился.

— О чем история, о засухе?

— Нет. Не совсем.

— Боже правый! Опять о стрельбе? Уже почти год прошел.

— Так в этом вся и соль: «Как справляется Риверсенд год спустя?» Что-то вроде биографической заметки, только не о персонаже, а о городе в целом. Выйдет как раз к годовщине.

— Сами придумали?

— Нет, мой редактор.

— Экий гений. И послал вас? Чтобы написать, как живет городу после трагедии?

— Ну да.

— Боже!

Вновь молчание. Женщина подперла рукой подбородок, вперив невидящий взгляд в книгу на столике. Вокруг глаз тонкие морщинки — она старше, чем казалось вначале. Лет двадцать пять, наверное. Все равно слишком молода для него.

Проходит еще несколько минут — немая сцена в книжном магазине. Встретившись взглядом, женщина произносит тихо, почти шепотом:

— Мартин, вы ведь понимаете, есть истории получше. Рассказать их было бы достойнее, чем упиваться болью скорбящего города.

— Какие же?

— Причины, почему священник открыл стрельбу.

— Мы вроде знаем, не так ли?

— Педофилия? Легко бросать голословные обвинения в адрес покойника. Я этим сказкам не верю! Не всякий церковнослужитель растлевают малолеток.

Не выдержав тяжелого взгляда, Мартин молча опускает глаза на чашку кофе.

— Дарси Дефо — ваш приятель? — продолжает насесть женщина.

— Ну, это было бы сильно сказано, однако он отличный журналист. Его статья отхватила Уокли*, причем по праву.

— Он все наврал!

Мартин молчит в нерешительности. Такой разговор может завести куда угодно.

— Как вас зовут? — спрашивает он наконец.

— Мэндалай Блонд, для всех просто Мэнди.

— Мандалай? Ну и ну. Бирма, Киплинг...

— Мама постаралась. Ей нравилось, как оно звучит. Нравилась мысль свободно путешествовать по миру.

— И как она... путешествовала?

— Нет. Ни разу не покидала Австралию.

— Ладно, Мэнди. Байрон Свифт застрелил пятерых. Вот объясните мне: почему?

— Без понятия, но если выясните, история станет настоящей сенсацией, не так ли?

— Пожалуй. Раз вы не знаете, что им двигало, у кого спрашивать?

Она отвечает далеко не сразу. Мартин в смятении. Казалось бы, нашел в книжном убежище, и сам же все испортил. Что ей сказать? Извиниться или свести все к шутке? А может, поблагодарить за кофе и уйти?

Но Мандалай Блонд не обиделась.

— Мартин, — понижает она голос, подавшись к нему, — я хочу вам кое-что рассказать. Не для публикации и не для чужих ушей. Пусть это останется между нами. Согласны?

* Walkley — австралийская премия за достижения в журналистике.